

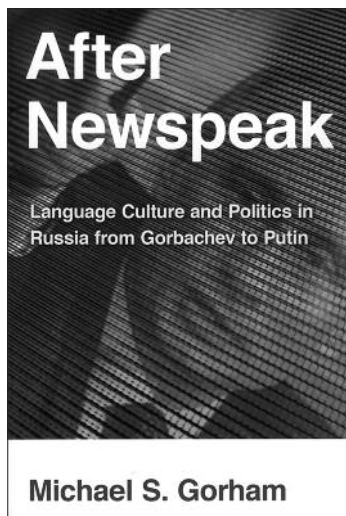
КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА ЯЗЫКА — ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА СЛУЖБЕ КОНТРОЛЯ

Gorham M.S. *AFTER NEWSPEAK: LANGUAGE CULTURE AND POLITICS IN RUSSIA FROM GORBACHEV TO PUTIN*. — Ithaca; L.: Cornell University Press, 2014. — 234 p.

Майкл Горэм — известный американский исследователь русского языка и общественно-политического дискурса советского века и первых постсоветских десятилетий. Профессор-филолог университета во Флориде, Горэм работает как социальный антрополог: он опирается в своей научной работе и на анализ когнитивных последствий встречи с русским языком советской и постсоветской эпох у американских бакалавров и магистров, и на исследовательские дискурсы русистов России и европейских стран. Этот антропологический сдвиг в фокусе интереса к предмету позволил М. Горэму создать своеобразную методологическую и теоретическую платформу для исследования русского языка переходных эпох, которая представляет не меньшую ценность, чем непосредственные выводы из материалов исследования.

Так, препарировав трудный материал последних советских и первых постсоветских лет России, Горэм должен думать одновременно о трех-четырех плохо совместимых сущностях — о дидактическом аспекте, т.е. об адресате своих разработок — американских тинейджерах-студентах, для которых «перестроенный» СССР, «постперестроечная» и, наконец, «постсоветская» Россия — невероятная и мрачноватая экзотика; о российских коллегах — исследователях, поэтах, друзьях, которые, собственно, не только по-своему изучают, но и порождают, и воспроизводят этот дискурс; о международной профессиональной среде, у которой формируется общий язык описания и осмысления новой России и ее политического языка; наконец, о совсем новых россиянах, ровесниках его американских студентов, «расшифровка» взаимодействия которых друг с другом сама становится новой антропологической задачей. Задачей не только для преподавателя и его студентов, но и для тех институтов, которые сейчас и в близком будущем должны будут вступать в общение не только на личном или групповом, но и на межгосударственном уровне.

До какой степени различение всех названных адресатов исследования важно для Горэма и является постоянным предметом рефлексии и интроспекции, видно по его ответам на анкету «Антропологического форума»¹. В этих ответах наш автор останавливается на специальных трудностях, с которыми ему приходится сталкиваться при формировании и практической реализации курса «под невинным названием “Россия сегодня”». Несмотря на очевидные требования к такому качеству, как достоверность, исследователю-преподавателю приходится в учебных целях деформировать предмет своего исследования, «олеографируя» его.

1 Образование в антропологии и социальных науках // Антро_пологический форум. 2012. № 3. С. 34–39 (http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/23/1271942714/03_01_forum_k.pdf).

Объясняя, почему, условно говоря, эстетика «Кировского балета» всегда побеждает эстетику «Митьков», Горэм пишет: «[я] обнаружил, что излишнее внимание к любым из этих относительно недавних интеллектуальных течений быстро наталкивается на сопротивление студентов, которые демонстрируют гораздо более низкий уровень толерантности по отношению к субъективности, маргинальности и амбивалентности, чем их учителя. В конце концов, они желают знать о Москве и Петербурге, о жизни и взглядах “обычных русских”, а кроме того, им нужны однозначные ответы и четко выстроенные нарративы, которые придают смысл нередко запутанной реальности. Когда подчас я чувствую, что эта ситуация доводит меня до отчаяния (когда этот весьма консервативный подход отчасти оказывается укорененным в стоячей воде стереотипов и своей, и чужой культуры), я смотрю на нее как на некую здоровую педагогическую проверку реальностью, как на призыв быть критичным по отношению к новым интеллектуальным направлениям и их значимости для получателя конечного продукта; я стараюсь во всяком случае строго подходить к описанию основания использования теоретических моделей вообще, а также индивидуальных моделей»².

С той же основополагающей трудностью — невозможностью для исследователя представлять добытое новое знание о культуре чужой страны как, по умолчанию, более близкое его студентам, чем официальная культура изучаемой страны, — сталкиваются и исследователи в самой России, где к моменту выхода большой новой книги Горэма о постсоветском языке «После новояза. Языковая культура и языковая политика от Горбачева до Путина» вехи господствующего дискурса — как официального, так и массового — оказались снова, после небольшого перерыва, переставлены в пользу «Кировского балета» и против «очернительской деятельности» условных «Митьков». Вот почему, попутно решая две задачи — исследовательскую и просветительскую, — Горэм и нуждается в антропологической теории, которая позволила бы понять не только языковую политику и политику языка в России, но и, хотя бы эскизно, нынешний лингвокультурный статус изучаемой страны.

Новую книгу Горэма я воспринимаю как итоговую для целого научно-исследовательского десятилетия, которое началось с выдающегося исследования «входа» в советский русский язык в рамках двух международных проектов живого текущего русского и его возможного будущего, которые осуществлялись под эгидой Бергенского университета в нулевых и в самом начале 2010-х гг. (проектами «Landslide of the Norm: Linguistic Liberalization and Literary Development in the 1920s and 1990s» (2005–2008) и «The Future of Russian: Language Culture in the Era of New Technology» (2008–2012) руководила профессор Бергенского университета Ингунн Лунде; по итогам работы было выпущено несколько книг; конференции и панели, организованные участниками проектов, мало-помалу приобрели измерение, которому можно дать эпитет вполне оксюморный: измерение индивидуально-глобальное. От Западного побережья США, через Шотландию, Норвегию, Германию до России и Японии небольшая группа специалистов, удовлетворяя частный исследовательский интерес, проводит конференции и семинары, но результат этой работы может со временем оказаться не менее полезным для миллионов людей, когда те без гнева и пристрастия приступят к серьезному анализу происходившего с их языком и культурой во второй половине XX и в начале XXI в.

Первое крупное исследование, вышедшее одиннадцать лет назад в издательстве университета Северного Иллинойса³, Горэм посвятил эпохе «входа» носителей русского языка в советскую эпоху. На протяжении нескольких десятилетий эта тема разрабатывалась в соседствующих, но враждебных, если не взаимо-

2 Там же. С. 35.

3 *Gorham M.S. Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia.* DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003. 277 p.

исключающих, дискурсах. Одни сосредоточивались на проблеме ликвидации безграмотности, гигантских образовательных усилиях, которые дали Советской России (и затем СССР) в высшей степени противоречивую языковую политику, итогом которой стал современный сложный статус русского языка как государственного, литературного в нескольких странах — наследницах СССР, языка диаспоры, наконец, языка всемирной Сети — как в Рунете, так и за пределами его. К дискурсу обогащения, роста и расширения примыкает, но и противостоит тому, дискурс разоблачения «деревянного» идеологического языка как погубителя высокой культуры и одного из главных источников исторического поражения Советского Союза как последней исторической фазы Российской империи. Наконец, третий дискурс, и в нем работает и его определяет, в частности, международная исследовательская группа с базой в Норвегии, в дискуссиях с которой вырастали и книги Горэма, это определение места русского языка как культурно-политического феномена в контексте развития других мировых языков, носители которых были участниками сопоставимых государственных и социальных катаклизмов. Эти катаклизмы вызываются тем и сами вызывают то, что иногда обозначают как «кризис идентичности». Став непосредственным свидетелем такого кризиса в позднем СССР и в первые постсоветские годы России, Майкл Горэм в главных своих статьях стремится показать прямую связь дискурсов идентичности на входе в эпоху в 1920-х и на выходе из нее в 2000-х⁴.

В своей книге о «культуре языка и политике голоса в революционной России» Горэм сумел блестяще показать разнонаправленность устремлений ранней языковой политики большевиков и их культурных попутчиков. С одной стороны, мы видим здесь Горького, который пытается оснастить босяков языком Толстого, с другой — спор Наркомпроса и Пролеткульта о сравнительных достоинствах и недостатках образовательного и культурного языков старой России, с третьей — реальный язык партийно-чекистских функционеров, которые постепенно внедряют тот «деревянный» язык, что несколько десятилетий был чаще мантрой всех критиков советского, чем предметом анализа и научного изучения и критики⁵. Предметом интереса для автора становится носитель языка, представленный в двух ипостасях: первая — это носитель языка как субъект речевой деятельности и творчества, вторая — носитель языка как объект идеологического воздействия со стороны авторитетных лиц или институций.

Даже эскизно представленный контекст появления новой книги Горэма позволяет лучше увидеть, что в основе исследовательской стратегии автора — стремление сохранить равновесие в двойной фокусировке — и на языке политической жизни, политической действительности, данной в речевом поведении ее участников, и на политике языка, или культурной политике, с ее институтами авторитетности и претензиями на формирование новой идентичности. Избранный отрезок времени — четверть столетия, прошедшая от короткой горбачевской пе-

4 См., например, его статью: *Language Culture and Identity in Post-Soviet Russia: Economies of Mat [Obscenity]* // *Soviet and Post-Soviet Identities* / Ed. M. Bassin and C. Kelly. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. P. 237–253. См. также содержательную рецензию на эту книгу: *Поселягин Н.* Национальные идентичности и идентификация национального // *НЛО*. 2013. № 121.

5 См.: [Рецензия Полли Джонс (в пер. Марии Маликовой) на книги: *Corney F.C.* *Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution.* Ithaca: Cornell UP, 2004; *Gorham M.S.* *Speaking in Soviet Tongues.* 2003] // Антропологический форум. 2006. № 46. С. 356–361. См. также нашу статью о сравнении языковых проблем советской интеллигенции 1920-х и 1990-х гг.: *Gusejnov G.* *Sprachprobleme der russischen Intelligenzija (ein Vergleich der 20-er und 90-er Jahren)* // *Jenseits des Kommunismus. Sowjetisches Erbe in Literatur und Film.* Berlin: Verlag Berlin, 1996. S. 35–48.

рестройки, или последнего эпизода истории советского языка, до втрое более продолжительного путинского отрезка постсоветской истории. В книге, правда, несколько слабее представлено важное ельцинское десятилетие, но, возможно, и в этом есть своя логика: первое десятилетие почти абсолютной свободы слова в России отмечено не просто слабой институционализацией политики языка, но даже, скорее, временным пренебрежением самой этой сферой культуры и политики со стороны активистов общественно-политической арены.

Начав с представления темы, возникшей на пересечении идеологии, озабоченности речевым обликом человека и техники воспроизводства языкового стандарта, Горэм дает общий очерк «советского наследия» в языке, в особенности показывая смещение центра тяжести с «политической» на «культурную» корректность. Эпоху «гласности» как создание возможности для торжества «здорового смысла» над «идеологией» Горэм называет «революцией» и на протяжении первой четверти книги хорошо показывает, как наивный «инструментализм» в языковой политике (особенно с. 61–74) помешал демократическим силам преодолеть собственный словесный фетишизм, несмотря на возможность атаковать старых «аппаратчиков» по всему фронту.

Одержав риторическую победу над позднесоветской «гласностью» в августе 1991 г., демократы попали в ловушку, которую остроумно описал А. Алтунян в работе, цитируемой М. Горэмом: «Оппозицией “гласности” стало не молчание, как это было при Горбачеве, а, скорее, свобода слова»⁶. С этой развилки, по-видимому, и предлагает Горэм описывать фазу культурно-языковой «деградации» (*varieties of language degradation*), которая, собственно, и привела к финальной фазе постсоветской эпохи, которая с невероятным трудом находит (или попросту не находит) не только тонкие инструменты самоанализа и исторической критики, но и простейшие инструменты самоописания.

Горэм считает закономерным, что на смену идеализированному представлению позднеперестроечного времени о способности свободного языка как носителя здравого смысла автоматически очистить и все общество, и каждого человека от ошибок минувшей эпохи придет вполне солдафонская уверенность многих в необходимости «проконтролировать все процессы» — и формирования нужного человека, и строительства правильного общества, и организации духовных интроскопов. Путинский отрезок русской истории отмечен поэтому столкновением еще более противоречивых и разнозаряженных дискурсов, разбору которых посвящена вторая половина книги. Здесь предложен тонкий анализ языковой политики на разных уровнях: ограничительных законов о языке, попыток выпрыскивания церковного элемента в гражданский дискурс, возрождения, казалось бы, давно отгремевших баталлий вокруг «языкознания» (вроде «демарризации» и «ремарризации», с. 28–35, 194), «плебеизации» политического дискурса и одновременного «повышения требовательности к речи наших людей».

Книгу завершает разбор первых последствий встречи современной России с новыми технологиями. Чем больше номинальное стремление официальных авторитетов обеспечить контроль над хотя бы некоторыми внешними проявлениями своеволия и свободы, тем «больше ада»: на деле руками троллей, спамеров и тому подобных акторов блогосферы воспроизводятся тот самый хаос и та самая какофония социальной атомизации, от которой предостерегают общество власти. При этом сам язык политики становится языком угроз и насилия, на фоне которых традиционные контрастные мотивы русского языкового дискурса — нормы и творческого обновления, «богатства» и нежелания перемен, «могущества» и вульгарной беспомощности, «величия» и мелочной регламентации со стороны законодателей, «свободы» и страха перед свободой — выглядят все более карикатурно.

6 Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: идейно-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I. М.: Изд-во УРАО, 1998. С. 136.

Чрезвычайно полезным у Горэма для носителей русского языка мне кажется анализ рефлексивных и интроспективных практик, наблюдаемых в российских СМИ, а именно в том их сегменте, который с начала 1990-х гг. привлек российских филологов к работе с перегруженным эмоциями слушателем и читателем. Разбор авторских стратегий ведущих радиопередач Ольги Северской, Марины Королевой, Ксении Лариной, а также авторов книг о языке Максима Кронгауза, Михаила Эпштейна, Алексея и Елены Шмелевых хорошо сочетается с портретом собирательного русского политика — носителя языка, не предполагающего использования в диалогическом режиме. Возможно, введение книг Горэма в обиход несколько более широкой читающей публики в России само стало бы событием в жизни русского языка конца постсоветской эпохи.

Трогательное приложение к книге адресовано, скорей всего, американским студентам автора: это русско-английский словарь пословиц и поговорок о языке, извлеченных из одной раннеперестроечной книги. Есть там и такая замечательная рекомендация: «Ешь больше, а говори меньше». Майкл Горэм подарил нам книгу, в которой много, очень много пищи для размышлений. Правда, и говорить о ней будут еще долго.